щееся капиталистическое производство создаетъ все новыя и новыя массы пролетаріата и тѣмъ расширяетъ размѣры ведомой имъ классовой борьбы; въ этомъ ростѣ пролетаріата и въ этомъ расширеніи связаннаго съ нимъ рабочаго движенія заключается сущность объясненія современной социалъ-демократической школой основныхъ источниковъ социалистическаго переворота.

Но мы уже указывали на неполноту и односторонность этой теоріи. Ея неполнота и ея односторонность заключаются въ томъ, что она ничего не говоритъ намъ о другой сторонѣ дѣла, о той противоположной общественной силѣ, которая ведетъ классовую борьбу съ пролетаріатомъ. Сохраняя во всей неприкосновенности основу своего экономическаго построенія, т.-е. принимая по прежнему за эту основу процессъ развитія капиталистическаго способа производства, въ формѣ крупной промышленности, и связывая именно съ этимъ процессомъ все дальнѣйшее развитіе социалистическаго движенія, она въ то же время какъ бы оставляетъ совершенно въ сторонѣ растущія силы самаго капитализма. Мы видимъ, что въ первоначальной концепціи научнаго социализма этой односторонности не было; напротивъ того, тогда главное вниманіе было обращено именно на *стихійныя экономическія силы,* подрывающія устойчивость капиталистическаго строя, — при чемъ въ этомъ именно и проявлялась экономическая сторона всего діалектическаго процесса; буржуазное общество само порождало въ своихъ нѣдрахъ тѣ *экономическіе* факторы, которые подрывали его существованіе — чѣмъ очень существенно облегчалась революціонная задача пролетаріата; послѣднему приходилось дѣйствовать въ одномъ направленіи съ ходомъ экономическаго развитія, на его сторонѣ стоялъ основной экономическій законъ всей исторіи.

Теперь все это исчезло изъ представленія о томъ стихійномъ экономическомъ процессѣ, которымъ опредѣляется ходъ развитія буржуазнаго общества съ его ростомъ и паденіемъ, смѣняющимися по формулѣ діалектическаго самоотрицанія; теперь отъ всей этой матеріалистической концепціи остались только одни „могильщики“, которые при томъ же, какъ признаетъ самъ Каутскій, двигаются въ своей борьбѣ многими „идейными и этическими мотивами“. Вся самоотрицающая роль капиталистическаго способа производства ограничивается, по этой новѣйшей социалъ-демократической теоріи, лишь тѣмъ, что онъ порождаетъ острое недовольство своимъ положеніемъ въ охваченныхъ имъ массахъ населенія, организуетъ ихъ и развиваетъ ихъ классовое самосознаніе. Это, конечно, не мало;

но гдѣ же здѣсь *экономическая* сторона самоотрицанія? Гдѣ тотъ разрушающій экономическій процессъ, который способствовалъ бы пролетаріату въ его борьбѣ, подтачивая самыя экономическія основы даннаго общественнаго строя? Представимъ себѣ, что, при смѣнѣ феодально-монархическаго режима буржуазнымъ, на сторонѣ буржуазіи было бы только ея острое недовольство старымъ порядкомъ и ясное сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ; на сторонѣ же монархіи и феодальныхъ землевладѣльцевъ были бы ихъ все болѣе и болѣе растущее матеріальное благосостояніе и накопленіе огромныхъ богатствъ, обусловленныя самымъ процессомъ экономическаго развитія: можно ли было бы сказать въ такомъ случаѣ, что буржуазія побѣдила старый порядокъ, *благодаря* содѣйствовавшему ей экономическому процессу? Не слѣдовало ли бы сказать наоборотъ, что она побѣдила *вопреки* этому процессу, что она побѣдила лишь силою своего сознанія, силою тѣхъ идейныхъ и этическихъ факторовъ, которые проникли въ ея среду при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя противопоставлялись этому со стороны господствующихъ классовъ, опиравшихся на свои богатство и власть? Но не то же ли самое приходится сказать теперь о борьбѣ промышленнаго пролетаріата? Исходя изъ чисто-экономическаго пониманія исторіи, новѣйшая социалъ-демократическая школа, благодаря указанному нами перевороту въ ея теоріи, пришла къ тому, что стала уже слишкомъ *не дооцѣнивать* теперь именно вліяніе экономическихъ условій и приписывать слишкомъ большую силу именно *идейному* фактору сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать легкой и происходящей при особенно благопріятныхъ условіяхъ ту борьбу съ буржуазнымъ государствомъ, которую долженъ вести теперь промышленный пролетаріатъ — противъ соединенныхъ силъ всѣхъ имущественныхъ классовъ, при никогда еще не бываломъ въ исторіи развитіи промышленности и накопленіи невиданныхъ ранѣе колоссальныхъ богатствъ въ ихъ рукахъ? Мы знаемъ, что пролетаріатъ ведетъ эту борьбу, опираясь на свое развивающееся политическое сознаніе и пониманіе условій экономической жизни — какъ на единственное орудіе, находящееся въ его голыхъ рукахъ, но мы знаемъ также и то, почему эта борьба не дала еще до сихъ поръ осязательныхъ результатовъ и почти еще не ослабила политическаго могущества буржуазнаго государства: это произошло въ силу тѣхъ огромныхъ *чисто экономическихъ* препятствій, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути революціонное движеніе промышленнаго пролетаріата.